

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ДЕХТЯРЕНОК

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
geba13@mail.ru

ОБРАЗ ОХОТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА В СВЕТЕ ПЛАТОНОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

А н н о т а ц и я . Исследуется образ охоты в произведениях М. М. Пришвина в его взаимосвязи с ключевыми образами и понятиями творческого наследия Платона. Актуальность заявленной темы определяется поиском новых подходов к изучению творчества писателя, необходимостью комплексного изучения влияния античной традиции на творчество Пришвина. Задача исследования – рассмотреть отражение образов, идей, символики платонизма в «охотничьем тексте» М. М. Пришвина, установить мотивы обращения автора к духовному опыту античности, выявить специфику репрезентации идей греческого философа в смысловой парадигме образа охоты. Основными методами являются интертекстуальный, сравнительно-сопоставительный, мотивно-образный анализ. В ходе исследования образ охоты раскрывается в разных контекстах и на разных уровнях художественного проявления – как пространство души и метафора познания, творчества, любви и самой жизни. Уделяется внимание полифонизму пришвинского дискурса, соединившего разные подходы к осмыслению феномена охоты – национальный русский охотничий нарратив, рафинированный эстетизм рубежа веков и устойчивую рецепцию платоновской мысли, имевшую яркое продолжение и преломление в литературе модернизма. Делаются выводы о том, что в художественной картине Пришвина охота как особое лирическое пространство авторской рефлексии, как метафора творчества и поиска вечных истин развивает платоновскую традицию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Пришвин, охота, образ, архетип, неореализм, модернизм, античная традиция, Платон

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дехтяренко А. В. Образ охоты в творчестве М. М. Пришвина в свете платоновской традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 1. С. 59–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.992

ВВЕДЕНИЕ

Образ охоты – один из основополагающих архетипов мировой культуры, имеющий сложную смысловую парадигму, связанную с семантикой поиска, завоевания, покорения. В основе эстетической концепции охоты лежит античное представление, которое отражено в греческой мифологии, где мотив охоты имеет отношение к божественной атрибутике и связывает множество греческих мифов. К теме охоты обращались разные авторы, например, охоте посвящен трактат Ксенофонта Афинского «Кинегетик», где греческий историк (IV–V век до н. э.) пишет, что охота – это способ достижения совершенства в мыслях, слове и деле («Древние предания говорят, что даже боги любят это занятие, действуя или созерцая, так что молодые люди, занимаясь тем, что я предлагаю, и, вдумав-

шись, будут благочестивы и любезны богам»¹). Начало формирования философского дискурса в осмыслении феномена охоты было положено в трудах Платона. «Философским и эстетическим содержанием генетически этот концепт восходит к платоновской традиции понимания охоты как символа учения об идеях» [5: 52]. В платоновской эстетике охота рассматривается как символ всей человеческой жизни, включая целый спектр значений этого феномена – от промысла или забавы до ключевых понятий эмоциональной, нравственной, духовной сферы. А. Ф. Лосев, изучая платоновский концепт охоты, пишет, что «по схеме охоты Платон трактует всю внутреннюю жизнь человека» [7: 306]:

«...образы охоты Платон употребляет в отношении самых высоких предметов. Таким образом, удовольствие и приятное, красота, добродетель, благо, мудрость и ис-

тина – все это для Платона является предметом ловли в том же смысле, в каком охотник гоняется за своей добычей» [7: 296].

В русской культуре охотничий топос начиная с XIX века помимо своей значимости отличается многообразием «смысловых парадигм» [9: 29], которые появляются в литературе. О метафоричности понятия охоты пишет А. Ю. Большакова [1], рассматривая этот феномен на материале русской классики. Охотничий текст становится выразителем авторской позиции, философии, душевного состояния. По наблюдению М. М. Одесской, охота была «не только принадлежностью дворянского усадебного быта, но и частью духовной культуры» [11: 240]. Охота как образ жизни отражается в воспоминаниях, записках охотников. Как эстетический концепт она получает осмысление в «большой литературе» (С. Т. Аксаков, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др.). Сложившееся к концу XIX века представление об охоте отражало состояние русской общественной и художественной мысли и было связано с «глубиной понимания сложности человеческого бытия» [17: 11], «духовным освоением природного пространства» [8: 143], обращением «к первоосновам жизни и деятельности человека» [15: 298].

На протяжении XIX века складывается определенная традиция охотничьего повествования, включающая два основных направления – этнографический очерк и лирический рассказ с охотничьими и пейзажными описаниями. Типология охотничьего нарратива подробно представлена в содержательной статье А. В. Мельниковой [10]. Исследовательница отмечает, что в природоведческом очерке чувство природы становится залогом внутренней гармонии и приводит к сближению и взаимопониманию людей. Родоначальником такого нарратива считается С. Т. Аксаков. Традиция лирико-романтического рассказа представлена И. С. Тургеневым. Здесь охота является не объектом описания, а средством или поводом для осмысления нравственных, эстетических или социальных аспектов человеческой жизни.

* * *

Пришвин в своем творчестве смог объединить разные традиции охотничьего нарратива. Охота для него была и способом общения с природой, и инструментарием для философствования, представляясь ему «такой же тайной, как вдохновение или творчество» [13: 131]. В книге «За волшебным колобком» (1908) он рассказывает о своем личном восприятии охоты,

об истории своего увлечения: «Мне нужно было добывать себе пищу, и я увлекся охотой, как серьезным жизненным делом»². Забава постепенно переросла в серьезную страсть. Охота для него стала «модусом свободы» [10: 77] и максимального раскрытия личности: «как всякое творчество нуждается в свободе, чувство свободы необходимо и на охоте» (4: 440). Она давала возможность увидеть то, что скрыто за покровом обыденности, проникнуть в таинственный мир природы и понять самого себя как часть этого мира. В одном из своих рассказов Пришвин замечает, что настоящие чудеса «совершаются везде и всюду, и во всякую минуту нашей жизни, но только часто мы, имея глаза, их не видим» (4: 575). В 1920-е годы (очерк «Охота за счастьем», 1926) он связывает охоту с поисками решения вопроса об «отношении сказки и жизни» (4: 241) – так звучит его собственная интерпретация философской проблемы о соотношении идеи и материи. Эти поиски «Невидимого Града» направили его к изучению наук и, собственно, сделали его «вечным искателем».

Пришвин как мыслитель и как художник формировался в эпоху модернизма. Многие современные исследователи указывают на сложность художественного мира писателя, определяя его характер терминами «полифонизм», «универсальность», «диалогичность», обусловленную его бытованием на пересечении культур [2], [3], [4], [12], [14]. Еще в университетский период в Лейпциге Пришвин углубленно изучает европейскую классику, увлекается натурфилософией, проявляет интерес к метафизическому осмыслению мира (По наблюдению Н. Н. Иванова, «пришвинский пантеизм “по-своему”, неопантеизм, состоялся во многом благодаря отклику на пантеизм Гете» [6: 95]). Позже, в Петербурге, он творчески воспринимает эстетические поиски литераторов символистского круга, в частности их тяготение к поэтике и философии мифа. В целом Серебряный век с его рафинированным эстетизмом оказал серьезное влияние на художественную философию Пришвина. На это обращает внимание Е. Фролова, подчеркивая, что творчество писателя охватывает весь художественный опыт «исторических и культурных событий XX века» [16: 6].

В пришевском дискурсе находят своеобразное выражение многие лейтмотивные образы светского богословия, во многом определившие специфику его поэтики. Одним из духовных ориентиров является метафизика Вл. Соловьева, в преломлении которой концепция платонизма

с ее идеей двоимирия становится основным художественным принципом писателя. С первых произведений Пришвин формирует понятие невидимой завесы материального мира и воспроизводит платоновскую диалектику идеи и материи. Так, в рассказе «Крутоярский зверь» (1911) средоточием материального, низового аспекта становится город Безверск. Само название города совмещает в себе идею средоточия стихийного, эмпирического пространства («без веры») и образ зверя («бе зверь»), который, по легендам, скрывался на дне озера Крутояра. Олицетворением этой стихии является хозяин старой помещицкой усадьбы, Павлик Верхне-Бродский, единственной страстью, смыслом жизни которого является охота. Если для других охота – это поиск добычи, страсть к преследованию, занятие, равняющее «и барина, и мужика, и лесного бродягу» (4: 74), то для Павлика – нечто большее, это доказательство совершенства мира, того, что «все в мире так верно и хорошо устроено» (4: 78). Ключом к совершенству для него является самая безупречная охотничья собака, о которой он мечтает. В рассказе находит отражение платоновский миф о пещере, изложенный в диалоге «Государство». Образ пещеры – это метафора неподлинного мира, который представляет собой лишь тень идеального («...это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца»³). Некоторые детали рассказа Пришвина указывают на непосредственную связь с этим мифом. Аллюзивным является описание усадьбы Павлика – окруженный лесами старый господский дом, с диким запущенным садом: «...никто за ним не смотрит, все само живет и множится» (4: 71). Пещера – символ темницы, в которой пребывает душа человека, погруженная в чувственный мир («Представь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет»⁴). В рассказе ее художественной реинтерпретацией является старый шкаф, который служит герою одновременно и постелью, и потайным местом, где он прячется от кредиторов.

С появлением идеальной охотничьей собаки мир Павлика преобразуется. Все становится серебряным – растения, животные, «луг у реки был весь – как медовая сота» (4: 81). Кличка породистой гончей – Леди – является смысловым ключом к пониманию этого образа в свете куртуазной традиции поклонения абсолютной красоте и истине, воплощенной в женствен-

ном начале. Она пробуждает в нем воспоминание о благородном рыцарстве, становится для него Дульсинеей, которую он готов «полюбить на веки вечные, и знать, и говорить всем, что уже лучше нет на свете Леди Крутоярской» (4: 79). В пришвинском нарративе соплагаются комический и возвышенный планы, где первый не отменяет второго (см. отсыл к образу Дон-Кихота). Для Павлика Леди является воплощением совершенства, идеалом всего существующего в мире. Так, по Платону, душа, созерцающая вечные идеи, переходит «от полного невежества к светлой жизни, она ослеплена ярким сиянием: такое ее состояние и такую жизнь можно счесть блаженством»⁵. Образ Леди подчеркивается световой символикой: огненно-рыжая масть собаки, окружающие ее блестящие капли в саду: «Ветви неодетого сада, как жемчугом, были унижены теплыми каплями» (4: 79). Свет окружает ее, и преобразуется вся природа («...трава, листья сверкали; все, что касалось их, становилось серебряным» (4: 80)). Герой счастлив, ему кажется, что он, наконец, нашел ключ от всех тайн мироздания, который позволит ему узнать, почему «все в мире так верно и хорошо устроено» (4: 78), даст смысловое наполнение его жизни. Однако выйти из платоновской пещеры Павлик не может: в Безверске Леди исчезает, а тщетные поиски собаки ни к чему не приводят. Отчаявшемуся Павлику снится сон, в котором путь к Леди преграждает стеклянная дверь – «ширма»⁶, отделяющая материальный мир от мира идей.

Платоническая идея души, познаваемой через любовь, является одним из главных оснований русского модернизма. Эта идея у Пришвина представлена в преломлении софиологических переживаний рубежа веков. Так, образ Леди является репрезентацией «лучезарной подруги» Вл. Соловьева с присущей ей дуалистической семантикой. В финале рассказа Леди появляется как падшая душа (тварная София) в окружении диких зверей, из леса доносится вой и рычание, а в запахе цветущего сада чудится «что-то темное и страшное» (4: 91). Обращение к платоническому мифу позволяет писателю осмыслить феномен противоречивой целостности человека. В свете этой проблемы образ-концепт охоты в рассказе выступает как символ познания мира и самого себя.

В рассказе «Птичье кладбище» (1911) недостижимым идеалом, «Градом Невидимым» является гусиный остров – место, о котором мечтают любители охоты («Каждому хочется гуся убить, и нельзя вперед загадать, чье будет сча-

стве» (3: 106)). Однако и здесь власть материального мира непреодолима, а обретение целостности и гармонии невозможно («Нашему брату <...> одним глазком на землю, другим на небо надо смотреть» (3: 105)). Охотник проплывает мимо острова, слышит шум золотой стаи, но не может увидеть ее: «Сколько звезд было на небе! Но Принц ничего не слышал, а только видел перед собой темную полосу» (3: 108).

«Охота – это нравственный путь человека» (3: 571), – пишет Пришвин в статье 1948 года, которая считается своеобразным завещанием охотника. В ней писатель наиболее полно раскрывает свое понимание этого образа-символа, подчеркивая свою близость тургеневской традиции возвышенного лиризма тончайших переживаний: «все мы немного поэты в душе, особенно охотники» (3: 567). Однако пришвинское отождествление охоты с духовным поиском в гораздо большей степени связано с устойчивой платоновской традицией, оказавшей огромное влияние на русскую философскую мысль Серебряного века. Охота мыслится Пришвиным как метод постижения вечной идеи красоты. Именно духовная настойчивость охотника позволяет увидеть сокровенный смысл бытия: «Довольно бывает какого-то листика капусты, чтобы повязка спала с глаз» (3: 568). Изучая эстетику Платона, А. Ф. Лосев отмечает, что Прекрасное в его построениях – это вечная идея, «рассыпанная по бесчисленному количеству вещей» [6: 309], поэтому «нужно выслеживать отсветы вечной красоты во всех этих предметах, <...> нужно ловить ее, схватывать ее и уже потом любоваться ею» [6: 310]. Платоновский мотив прозрения получает развитие в пейзажных картинах охотничьих рассказов Пришвина, где описания природы обретают мифологический контекст. Открытие мира сопровождается солнечной символикой («От солнечного луча все становится волшебным» (3: 570); «от первого луча <...> все вокруг обретает смысл» (5: 374)). В платоновском диалоге «Федон» ситуация прозрения описывается как преодоление человеком своей телесной природы: «...он узнал бы, что впервые видит истинное небо, истинный свет и истинную Землю»⁷. Для Пришвина, как и для Платона, все мироздание тождественно пространству человеческой души, и поэтому его «охотничья философия» обусловлена стремлением разомкнуть границы своего телесного «я» – платоновской пещеры, когда чувства, эмоции затуманивают, мешают видеть целостный мир, видеть лица. Именно этот контекст подразумевается в словах писателя

о том, что охота для него «больше жизни» (5: 386) – это «видение души человека в образах природы» (5: 388). Прозрение сопровождается неутомимым желанием поведать об этом людям («Лучи разбегаются по лесу, в котором все оживает, становится красочным и звучным, обращаясь в слова человеческие» (5: 374)). Так охота становится началом творчества.

Охота как ключ к жизнотворчеству помогает писателю представить диалектику идеи и материи, которая в эстетике Платона раскрывается с помощью охотничьей терминологии. По наблюдению Лосева, в эстетике Платона «чувственность охотится за идеями, чтобы быть чем-то определенным, а идея охотится за чувственностью, чтобы реально осуществиться» [6: 298]. Так, например, метафорой добывания знаний в диалоге «Теэтет» становится ловля голубей, а в «Федоне» в терминах охоты речь идет о поисках истины, где философ – это «ловец бытия», а его мысль уподобляется добыче («тропа приводит нас к мысли»⁸). У Пришвина мотив поиска мысли также раскрывается в охотничьем контексте в книге «Глаза земли» (1957), где писатель в поисках образа уподобляется гончей собаке: «Это славная смерть на гону. Только лучше конечно, чтобы успеть зайца поймать» (5: 319). Лесная прогулка становится метафорой творческого процесса:

«Я видел, как определялись капли росы на траве, и вслед за этим той же силой внутренней ритмики улетевшая в небеса мысль стала искать на земле определения и воплощения» (5: 324).

В «Журавлиной родине» (1929) первообразом мира становится Клавдофора – реликтовое подводное растение, существовавшее в озере еще с ледниковой эпохи. В истолковании Пришвина Клавдофора – это зримый «миф самих вещей» (4: 346), тайна всеобщей жизни, которая сближает охотничий восторг и счастье творчества. Платонический дискурс угадывается в аллюзивной отсылке к мотиву анамнесиса: миф о «творческой вечности под водой» (4: 410) пробуждает воспоминания о том, «что все это было в себе» (4: 372), мысли о «предустановленной гармонии» (4: 469) и «утраченном родстве» (4: 351). Клавдофора отождествляется и с концепцией эроса. Это и женский первообраз, символ лучезарной невесты, Дульсиныи, Прекрасной дамы, Богини-Матери («Как солнце, она сама по себе мне представлялась безумно сверкающим кругом» (4: 412); «все мое путешествие за клавдофорой представлялось, как донкихотское» (4: 388)). Подобно двуединой Афродите Клавдофора в сознании

автора разделилась на «поэтическую и действительную» (4: 418). Эта платоновская дихотомия и попытки ее преодоления составляют основополагающий мотив творчества Пришвина.

Символическим двойником Клавдофоры в повести «Жень-шень» (1932) является «самое красивое животное в мире, олень-цветок Хуа-лу» (3: 290). «Солнечная» образность повести тождественна платоновской интерпретации Прекрасного, пронизанного «светом и любовью» [6: 309]. Вся кипучая жизнь маньчжурской долины – цветы, пчелы, бабочки – рассказывают «историю встречи солнечного луча с землей» (3: 226). И только человек, по мысли Пришвина, может рассказывать о солнце, «лишь окидывая родственным вниманием все разнообразные освещенные им предметы» (3: 227). Кульминацией повести становится встреча охотника с Хуа-лу. Находясь внутри шатра, созданного корнями деревьев, он замечает ее по движущимся солнечным лучам. Образ Хуа-лу – это и идеализированное женское начало, и сама любовь, которую Пришвин рисует при помощи терминов охоты («я дрожал мелкой дрожью, удерживаясь от искушения схватить ее за копытца <...> и как бы в награду за это олень-цветок превратился в царевну...») (3: 232). Глаза Хуа-лу, похожие на цветок, напоминают охотнику о любви, которую он когда-то упустил («Я был уверен тогда, что, схвати я свою невесту, как оленя, – и все: и вопрос о корне жизни решен» (3: 240)). Платоновская дихотомия духа и материи преломляется в повести в виде внутренней борьбы героя-

повествователя между тем самым «охотником» и «поэтом», желанием обладать и более высоким стремлением созерцания прекрасного: «Так я боролся с собой и не дышал» (3: 233). С образом-концептом охоты связан мотив поиска счастья, которое в творчестве Пришвина предстает и как глубоко личная, и как бытийная категория.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь к культурному наследию и не находясь в центре философских дискуссий своих современников, Михаил Пришвин сумел найти свой метод, транслирующий в художественном слове «жизненный мир» в его эстетическом дискурсе. Мифопоэтическое осмысление окружающего мира и своей жизни, философия всеединства и «всечеловека» («я мог бы весь земной шар нарисовать, как лицо» (4: 412)) закономерно приводит писателя к традиционным античным образам и мотивам, укорененным в европейской культурной традиции. Общая картина мира в произведениях Пришвина строится по античному принципу калокагатии («Все истинно новое свидетельствует о красоте и добре» (5: 374)). Образ охоты как один из архетипов мировой культуры в творчестве Пришвина становится «авторской метафорой» поиска вечных истин и особым лирическим пространством авторской рефлексии. Вместе с этим образ имеет сложную смысловую парадигму, включающую в себя русскую традицию охотничьего текста в контаминации с соловьевской проекцией платонизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ксенофонт. Охота / Пер. Г. А. Янчевецкого // Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках. Вып. 5. Митава, 1880. С. 243 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://195.206.39.221/fulltext/alshevskaya/i_001114_03.pdf (дата обращения 01.11.2023).
- ² Пришвин М. М. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1956. С. 172. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и через двоеточие страницы.
- ³ Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1990–1994 / Общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Асмуса и А. А. Тахо-Годи. Т. 3. С. 297 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/Losev.htm> (дата обращения 01.11.2023).
- ⁴ Там же. С. 298.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 295.
- ⁷ Платон... Т. 2. С. 71.
- ⁸ Там же. С. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большакова А. Ю. Философско-эстетическая «охота» в мире русского слова (Пушкин, Тургенев, Л. Толстой, Аксаков) // Литературная учеба. 2001. № 3. С. 170–195.
2. Борисова Н. В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина: Учеб.-метод. пособие. Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та, 2004. 227 с.
3. Варламов А. Н. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 1. С. 130–184.

4. Дворцова Н. П. Экстерриториальный писатель (о литературной репутации Михаила Пришвина) // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 49–69.
5. Жилыкова Э. М., Хохлова Н. А. Концепт охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № (23). С. 52–62.
6. Иванов Н. Н. М. Пришвин – читатель И. В. Гете // Михаил Пришвин и XXI век: Материалы Всерос. науч. конф. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2013. С. 93–97.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики: В 8 т. М.: ООО Издательство «АСТ», 2000. Т. 3. 624 с.
8. Ляпина А. В. Традиции И. С. Тургенева в специализированной прессе о природе и охоте конца XIX века (на материале журналов «Природа и охота» и «Русский охотник») // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 3 (84). С. 140–145.
9. Мальцева Т. В. «Охотничий текст» русской литературы // Art Logos. 2020. № 3 (12). С. 27–41 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lengu.ru/mag/art-logos/archive/38/406> (дата обращения 01.11.2023).
10. Мельникова А. В. Охотничьи нарративы в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX века // Диалоги классиков – диалоги с классикой: Сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2014. С. 61–81.
11. Одесская М. М. Ружье и лира (Охотничий рассказ в русской литературе XIX века) // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 239–252.
12. Подоксенов А. М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества // Журнальный клуб Интелрос «Credo new». 2013. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k4-2013/21496-mihail-prishvin-filosofsko-mirovozzrencheskie-konteksty-tvorchestva.html (дата обращения 01.11.2023).
13. Рудашевская Т. М. М. М. Пришвин и русская классика: Фацелия. Осударева дорога. СПб., 2005. 260 с.
14. Туранина Н. А. Метафорическое моделирование мира как конструкт реальности в художественном дискурсе // Наука. Искусство. Культура. Вып. 2 (6). 2015. С. 252–256.
15. Федорова Е. А. Своеобразие национального характера в охотничьих рассказах Е. Н. Опочинина // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 297–310.
16. Фролова Е. В. Проблема двойственности творчества М. М. Пришвина // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 3А. С. 142–149.
17. Хохлова Н. А. Об особенностях концепта охоты в рассказах А. П. Чехова первой половины 1880 х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 11–19.

Поступила в редакцию 04.11.2023; принята к публикации 12.12.2023

Original article

Anna V. Dekhtyarenok, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
geb13@mail.ru

THE IMAGE OF HUNTING IN MIKHAIL PRISHVIN'S WORKS IN THE LIGHT OF THE PLATONIC TRADITION

Abstract. The article examines the image of hunting in Mikhail Prishvin's works and its interconnection with the fundamental ideas of Plato's aesthetics. The relevance of the stated topic is determined by the search for new approaches to the study of the writer's works and the need for a comprehensive study of the influence of the ancient tradition on Prishvin's writing. The objective of the study was to investigate the reflection of images, ideas, and symbols of Platonism in Prishvin's "hunting texts" in order to establish the motives of his referral to Platonic aesthetics and to identify the specifics of the representation of this ancient philosopher's ideas in the semantic paradigm of the image of hunting. The main research methods were the intertextual, comparative, and motive-figurative analysis. The study revealed the image of hunting in different contexts and at the different levels of artistic representation – as a space of the soul and a metaphor for knowledge, creativity, love, and life itself. The article focuses on the polyphonicism of Prishvin's discourse, which combined different approaches to understanding the phenomenon of hunting – the traditional Russian hunting narrative, the refined aestheticism of the turn of the century, and the sustainable reception of Platonic thought, which had a vivid continuation in the literature of modernism. It was concluded that in Prishvin's literary world picture the understanding of the hunting phenomenon as a specific lyrical space for the author's reflection and a metaphor for creativity and the quest for eternal truths was the development of the Platonic tradition.

Key words: Prishvin, hunting, image, archetype, neorealism, modernism, ancient tradition, Plato

For citation: Dekhtyarenok, A. V. The image of hunting in Mikhail Prishvin's works in the light of the Platonic tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(1):59–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.992

REFERENCES

1. Bolshakova, A. Yu. Philosophical and aesthetic “hunting” in the world of Russian literature (Pushkin, Turgenev, Leo Tolstoy, Aksakov). *Literary studies*. 2001;3:170–195. (In Russ.)
2. Borisova, N. V. Mythopoetics of all-encompassing unity in Mikhail Prishvin’s philosophical prose. Yelets, 2004. 227 p. (In Russ.)
3. Varlamov, A. N. Prishvin, or the Genius of life. Biographical narrative. *Oktyabr*. 2002;1:130–184. (In Russ.)
4. Dvortsova, N. P. Extraterritorial writer (the literary reputation of Mikhail Prishvin). *Topics in the Study of Literature*. 2004;1:49–69 (In Russ.)
5. Zhilyakova, E. M., Khokhlova, N. A. The concept of hunting in the *Notes of a Rifle Hunter in Orenburg Province* by Sergey Aksakov. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2013;3(23):52–62 (In Russ.)
6. Ivanov, N. N. Mikhail Prishvin, the reader of Goethe. *Mikhail Prishvin and the XXI century: Proceedings of the all-Russian research conference*. Yelets, 2013. P. 93–97. (In Russ.)
7. Losev, A. F. History of ancient aesthetics: In 8 vols. Moscow, 2000. Vol. 3. 624 p. (In Russ.)
8. Lyapina, A. V. Traditions of I. S. Turgenev in the specialized press about the nature and hunting of the late XIX century (as exemplified in magazines “Nature and Hunting” and “Russian Hunter”). *Scientific Notes of Orel State University*. 2019;3(84):140–145. (In Russ.)
9. Maltseva, T. V. “The hunting text” of Russian literature. *Art Logos*. 2020;3(12):27–41. Available at: <https://lengu.ru/mag/art-logos/archive/38/406> (accessed 01.11.2023). (In Russ.)
10. Melnikova, A. V. Hunting narratives in Russian literature of the second half of the XIX – the first third of the XX centuries. *Dialogues of the classics – dialogues with the classics*. Ekaterinburg, 2014. P. 61–81. (In Russ.)
11. Odeskaya, M. M. The gun and the lyre (hunting short story in the Russian literature of the XIX century). *Topics in the Study of Literature*. 1998;3:239–252. (In Russ.)
12. Podosenov, A. M. Mikhail Prishvin: philosophic and world-outlook contexts of creative activity. *Credo New*. 2013;4. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k4-2013/21496-mihail-prishvin-filosofsko-mirovozzrencheskie-konteksty-tvorchestva.html (accessed 01.11.2023). (In Russ.)
13. Rudashevskaya, T. M. Mikhail Prishvin and Russian classics: Phacelia. The Tsar’s Route. St. Petersburg, 2005. 260 p. (In Russ.)
14. Turanina, N. A. Metaphorical modelling of world as a construct of reality in literary discourse. *Science. Art. Culture*. 2015;2(6):252–256. (In Russ.)
15. Fedorova, E. A. Peculiarity of national character in hunter’s stories by Evgeny Opochinin. *The Problems of Historical Poetics*. 2016;14:297–310. (In Russ.)
16. Frolova, E. V. The question of duality in M. M. Prishvin literary work. *Culture and Civilization*. 2017;7(3A):142–149. (In Russ.)
17. Khokhlova, N. A. The hunting concept identity in works by A. P. Chekhov of early 1880s. *Tomsk State University Journal*. 2015;400:11–19. (In Russ.)

Received: 4 November 2023; accepted: 12 December 2023